

КАТАРИНЕ ЛАЗАРЕВНА
САРЬЯН

Балерина, театровед

/Сарьян К., Экспозиция., Воспоминания-картины., Ер.:
Авторское издание., 2011.

“З-а-а-рик!” Сквозь грохочущий шум воды душевых кабинок, отделенных друг от друга добротными перегородками, услышать зов отца было невозможно. Ни-

душки.

– Катюша, быстро собирайся, едем к Аполлону за препаратом для дедушки.

Мы отправляемся к самому известному в Ереване торговцу зарубежной фармакологической продукцией. Он из репатриантов разумеется, у него налажены крепкие связи для подобного бизнеса (хотя слово это в начале 60-х в стране не употреблялось).

Сворачиваем с улицы Баграмяна направо и поднимаемся в гору по направлению к Часовому заводу. Останавливаемся перед впечатляющим по тем временам особняком. Не менее роскошна и внутренняя обстановка. В гостиной – концертный рояль. Папа подошел к нему с явным любопытством и, приподняв крышку, взял пару аккордов. Инструмент был сильно расстроен. Подскочивший

Зарик

какой совершенный музыкальный слух не смог бы выделить этот призыв о помощи, посланный слабым голосом. Это можно было только почувствовать. Позже папа скажет: “Я услышал свое имя глубоко внутри”. Он бросился к потерявшему сознание отцу и вынес его на руках. В Сандуновских банях дежурили высокопрофессиональные врачи, один из которых, констатировав микроинсульт, заметил, что помощь была оказана настолько своевременно, что никаких тяжелых последствий не предвидится. После этого случая дедушка никогда один не купался.

Папа осознавал, что здоровье отца, державшегося молодцом при всех ударах судьбы, начало давать сбои. Сказались последствия войны – пять лет тревожных ожиданий с фронта. Передышками были лишь долгожданные письма от сына. В 44-м он не выдержал и поехал в освобожденный от фашистов Киев, чтобы увидеть и обнять сына. Победа и возвращение сына должны были, казалось, принести столь необходимый покой. Но конец сороковых ознаменовался для Сарьяна уничтожительными обвинениями в несоответствии его творчества с задачами и целями, стоящими перед советским искусством. Провинившихся деятелей культуры решено было “наказать рублем”. Художника лишили права обеспечивать жизнь большой семьи. Папа понял, что пришло время взять на себя ответственность и заботу об отце. Это стало неотъемлемой частью его жизни. Вопросы здоровья дедушки были основными. Нужные врачи, нужные лекарства, организация отдыха – папа решал все проблемы настолько ненавязчиво, что казалось все происходит само собой и очень легко.

Помню забавную историю, когда я оказалась случайной участницей покупки лекарства для де-

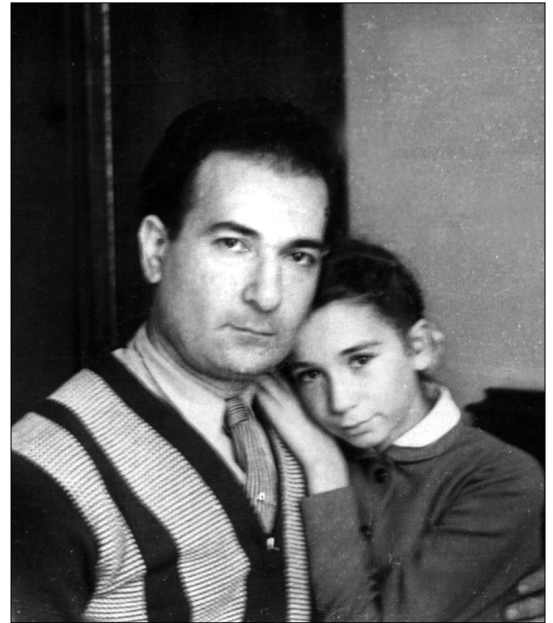
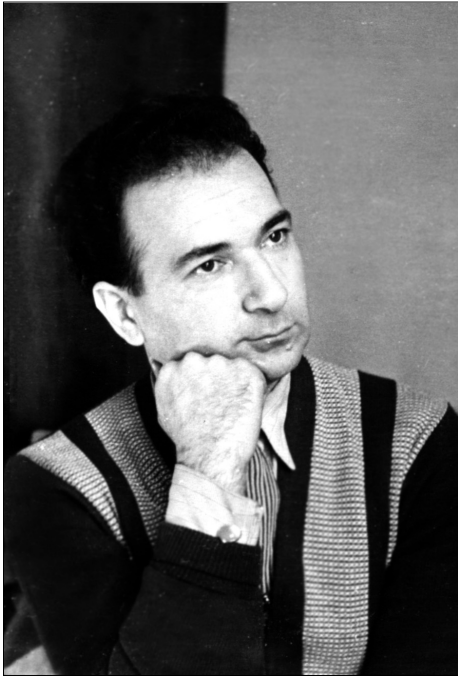
хозяйин был очень польщен интересом профессионального музыканта. “Хороший рояль, не правда ли?” Папа кивнул. Он понимал, что его объяснения по поводу состояния инструмента не встретят понимания.

Здесь только бренчали для танцулек или песенок. А то, что хозяйин любит танцевать, обнаружилось чуть позже. После того как формальности по купле-продаже лекарства были завершены, меня ожидал необычный сюрприз. “Я всю жизнь мечтал хоть разочек станцевать с настоящей балериной. Не отказывайте, пожалуйста!” – и Аполлон нажал кнопку магнитофона.

Хозяин дома страдал жесткой формой спондилеза и был похож на чудовищный вопросительный знак. Я растеряно посмотрела на папу. Мы поняли друг друга. Отказать инвалиду в его давней мечте было бы не тактично. Танец этот я запомнила на всю жизнь. На обратном пути папа заметил, что все могло быть еще хуже. Я с ужасом спросила, что он имеет в виду. “Аполлон мог попросить меня сесть за рояль и аккомпанировать вам”.

У нас не было дачи и вопросы отдыха приходилось решать в несколько этапов. Так как мама после фронта страдала ревматическими болями, она с детьми ездила в Хосту, поближе к лечебным ваннам Мацесты. Папа привозил нас на море и тут же уезжал обратно, чтобы быть рядом с отцом. И не только для того, чтобы вывозить стариков из города во время жары, но и для того, чтобы быть готовым отправиться по просьбе дедушки в любую точку на карте Армении для работы на плзнере.

Осенью наступала пора натюрмортов. Вozил, сопровождал и расплачивался на рынке, конечно, папа. Отправлялись очень рано, чтобы дедушка мог приступить к работе в тот же день. Однажды я по-

Լ. Մ. Սարյան с дочерью Катаринэ,
Ереван, 1957г.

ехала с ними. Долго не понимала, чем руководствуется дедушка при отборе плодов. Он медленно проходил мимо привлекательных персиков и с явным интересом останавливался перед другими, ничуть не лучшими. Только позже я поняла смысл происходящего. До того как взглянуть на лежащие горкой плоды, он бросал быстрый и цепкий взгляд на лицо торгового. В те годы перекупщики попадались редко и торговали в основном те, кто вырастил эти плоды. Тех, кто с заискивающей улыбкой приглашал к своему товару, дедушка обходил, не замедляя шага.

Но вот он остановился перед задумчивым и, казалось бы, отрешенным от происходящего мужчиной. Огромные черные глаза и большие, натруженные руки. Человек от земли... Человек, привыкший работать с землей и на земле. Она въелась в поры его кожи и отмыть ее невозможно. Он явно не умеет торговать. Не его это дело. Он даже удивлен, что мы собираемся купить персики именно у него. Вот такие плоды на натюрмортах дедушки!

За редким исключением все пейзажи после 52-го года были написаны там, куда возил папа. А это ни много, ни мало, почти вся Армения. Иногда приходилось подолгу искать нужное место, ракурс и точку. Если это было возвышение, то машину приходилось оставлять внизу. Сперва папа помогал взобраться дедушке. Потом поднимал все необходимое для его работы – этюдник, мольберт и большой зонт. Каждые 15–20 минут зонт надо было переставлять, чтобы дедушка оказывался в тени.

Я смотрю на эти полотна и за красотой природы нашей страны, запечатленной художником, проступает образ папы. Едва уловимая, тончайшая грань присутствия родной души. Присутствия, в котором так нуждался дедушка на склоне лет.

...Он сидит на низком стульчике, под большим зонтом и, чуть прищурившись, наносит на холст крупные мазки. За его спиной, скрестив на груди руки, стоит сын. Совершается удивительное действие. Его никогда не смогут увидеть и описать искусствоведы, ведь они не присутствуют при соз-

Группа работников культуры
Париж, 1976 г.

дании, а оценивают только результат. Но если чуть подняться над происходящим, можно увидеть мастера–творца, перед которым возвышается библейская гора, а позади, как надежное прикрытие, стоит сын. И каждый взмах кисти обретает первозданную мощь! В папе было поразительное сочетание идеала и нормы. Иначе трудно представить, что при великом отце он состоялся как высокопрофессиональный музыкант и как человек неповторимой индивидуальности. Пройдя через испытания войны, он остался добрым, мягким и чутким. Это не мешало ему возглавлять на протяжении почти четверти века такой очаг музыкальной культуры, как консерватория. Разлетевшиеся со временем по всем странам и континентам ее выпускники, называют этот период “золотым временем”. В этом определении не только оценка полученных профессиональных достижений, но особое отношение к атмосфере,

созданной Лазарем Мартиросовичем.

В конце пятидесятых, после службы в армии, в Ереван приехал из Сибири мамин племянник. У молодого лейтенанта была мечта – в его возрасте почти неосуществимая – получить музыкальное образование. Природных способностей и доходящего до фанатизма трудолюбия было недостаточно. Надо было оказаться рядом с человеком, который помог бы осуществиться этой мечте. Таким человеком стал для него мой папа.

В дальнейшем, заслуженный деятель искусств России, известный хормодирижер Роберт Лесников назвал своего сына Святозаром. Ведь это замечательное, но малораспространенное имя в сокращенном виде можно произносить как Зарик.

Ամփոփում

Պարուհի, թատերագետ Ղազարոս Սարյանի դստեր Կատարինե Սարյանն իր «Չարիկը» հոդվածում ջերմորեն և սիրով է անդրադառնում հայրիկի ու պապիկի անհուն ու անսահման հարգալից փոխհարաբերությունների նկարագրությանը: Պատերազմից որդուն զայստյան սպասումը, որդիական խնամքը, հոգատար որդու կերպարն է հառնում ընթերցողի մտապատկերում: Եվ ման շուկայից ինչպես էր որդին ընտրում ծիրան, ընտիր մրգեր, որոնք հետագայում մատյուրմորտներ դարձան հոր կտավներում: Դուստրը փաստում է, որ անցնելով պատերազմի արհավիրքներով ու փորձություններով հայրը՝ Ղ. Մ. Սարյանը մնացել է բարեկիրք, բարի, մեղմ ու նրբանկատ հատկանիշներով անձնավորություն, որոնք չեն փոփոխվել շուրջ քառորդ դար ղեկավարելով Երևանի Կոմիտասի անվ. պետական կոնսերվատորիան:

Summary

Dancer theaterologist, Lazar Saryan's daughter Katarine Lazar Saryan in her “ The Zarik” article rebounds her father's and grandfather's boundless and deep respectful relationship's description with warm love. Imminent expectation of son from war, filial care, rises the caring son's picture is reader's fancy. And also, how was son selecting apricots, fine fruits from the market, which later became still life in his father's canvases. Daughter testifies that passing through the trials of the war, father: L.M. Saryan was remained courteous, kind, gentle and sensitive personality , which do not change over a quarter of a century of leading the Yerevan State Conservatory after Komitas.